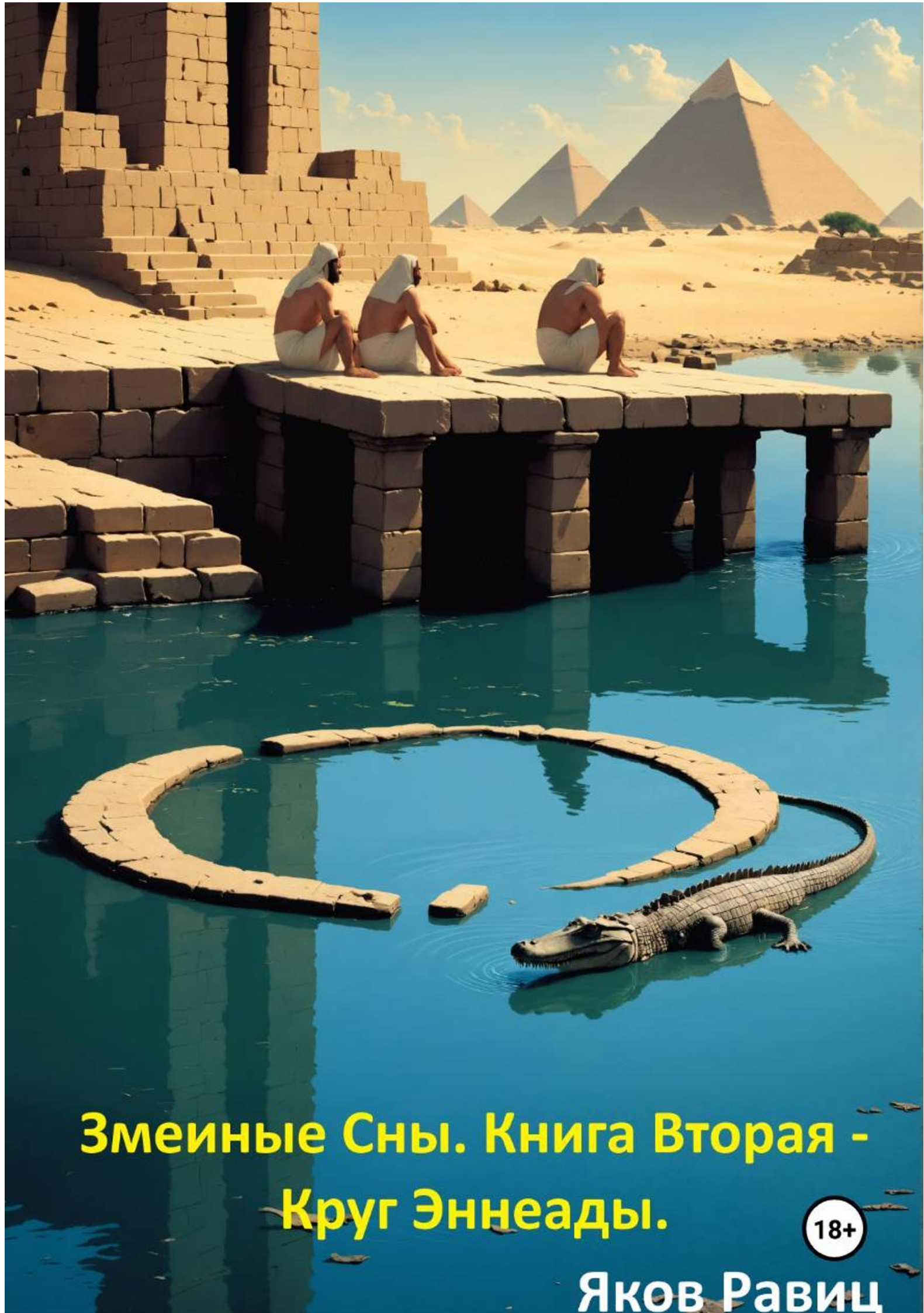

Змеиные Сны. Книга Вторая - Круг Эннеады.

18+

Яков Равиц

Змеиные Сны

Яков Равиц

**Змеиные Сны. Книга
Вторая - Круг Эннеады.**

«Автор»

2026

Равиц Я. Р.

Змеиные Сны. Книга Вторая - Круг Эннеады. / Я. Р. Равиц —
«Автор», 2026 — (Змеиные Сны)

Герои Змеиных Снов посланы в Древний Египет, в Храм Хатшепсут, чтобы дать Ответ на загадку Змея о смысле Сущего. Перед нами Египет – страна, еще помнящая тайны Изначального времени Сеп-Тепи. Родина изящества и наук замкнутая в круг времени. Путь к Храму нелегок, герои проходят через страну, разбуженную дыханием войны, но под знаком Змея и проходят испытания Хаосом, открывающие им путь к разгадке тайн творения.

© Равиц Я. Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Благодарность	5
Невкратис	6
Дыхание войны	14
Мемфис	19
Перо Маат	23
Гарнизон Гелиополя	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Змеиные Сны. Книга Вторая - Круг Эннеады.

Благодарность

Прежде всего Хочу выразить огромную благодарность девушке по имени Гелия, из страны снежных котов. (Не знаю ее настоящих имен, возможно часть из них покрыта какой-то тайной, под этим именем она ко мне проявилась, и я ее даже ни разу не видел).

Во-первых, она вдохновляла и подбадривала меня всю дорогу подобно Музе. И в ответ я не мог провести ни дня без строчки, и вот, книга готова. Во-вторых, предложила отредактировать книгу, за что я ей безмерно благодарен. И теперь я могу не опасаться, что там все написано как-то не так. По-видимому, у нее есть и другие таланты, но я о них не знаю.

Невкратис

Ночь прошла спокойно. Северный ветер впрягся в наши паруса и уверенно тащил нас на Юг, корабль, легонько поскрипывая от настойчивых порывов ветра, скользил по чёрной глади.

На второй день мы обогнули побережье Кари и оставили за кормой Родос. Неделя прошла в размеренном ритме корабельной жизни, и к полудню девятого дня на горизонте показались силуэты других судов — греческие, финикийские, египетские. По мере приближения к дельте Нила море оживало: здесь пересекались пути купцов со всего света.

Утром вдалеке показались первые дельтовые острова, заросшие камышом. Вода стала мутнее, а над ней то там, то тут, появлялись стаи белых птиц.

— Невкратис, — сказал Матан, кивая на огоньки, что вспыхивали на горизонте. — Там нас ждёт земля Египта.

— Привет тебе, страна сфинксов и пирамид, ароматных благовоний и масел, красоты и женского изящества, источник величайшей мудрости, поднимающейся к нам из глубины многих тысячелетий! — торжественно произнес Шварценблум.

Мы вошли в устье широкой речной протоки, и вскоре, в нежных лучах восходящего солнца, на горизонте, выросли стены Невкратиса. Они казались необычными после греческих городов: ниже, толще, больше похожие на земляные, хотя обложенные камнем. За стенами поднимались деревянные мачты и крыши складов, а выше всех возвышался храм, белевший в утреннем свете.

— Вот он, Невкратис, — сказал Матан с оттенком уважения. — Египетский город для чужеземцев. Здесь у каждого народа — свой квартал, свои храмы и свои законы.

Дымка утреннего тумана вдоль берега растаяла, и чем ближе мы подходили, тем яснее становилось, что перед нами не тихий торговый город, живущий размеренной жизнью, а огромный военный лагерь, похожий на потревоженный муравейник.

Пришвартовавшись у пристани, мы осторожно сошли на берег и огляделись вокруг. Толпы наёмников в разношёрстных доспехах толкались плечами: греки с круглыми щитами, фракийцы с тяжелыми топорами, критяне с изогнутыми тесаками. Кто-то уже напился до бесчувствия и валялся на досках причала, кто-то азартно бросал кости на крышку амфоры, споря о завтрашней добыче.

Пристани были забиты до предела. Среди амфор с вином и тюков с зерном громоздились связки копий, щиты, горы стрел. Кузнецы прямо на берегу разводили костры и били по раскалённому железу, приводя в порядок помятые доспехи и щиты, звон их молотов перемежался с криками погонщиков и гомоном толпы.

Драка неожиданно вспыхнула у самых сходней: два финикийца насмерть сцепились из-за женщины-рабыни, и их с трудом разняли копейщики фараоновой стражи. Тем пришлось провести небольшое воспитательное мероприятие, пустив в ход кулаки, древка копий и тяжёлые щиты.

— Невкратис, — передразнил Матан Шварценблума с мрачной усмешкой. — Город-ворота в страну мудрости, изящества, красавиц и сфинксов? Что-то не похоже. Это сейчас больше напоминает логово разбойников.

Мы осторожно пробирались вдоль причала, стараясь не попасть ненароком в какую-нибудь пьяную драку, ведь нам предстояло отгадывать загадки Вселенной и спасти Мир, а не ввязываться в эти безобразия.

Нас заметили почти сразу. К нам двинулась фигура — человек в медном панцире, с копьём в руке и обветренным лицом.

— Новые? — спросил он на грубом греческом. — Откуда?

— Из Милета, — ответили мы.

— Отлично! Фараон платит звонким золотом. Две луны похода — и мы разобьем нубийцев и вернёмся богатыми. Пойдем со мной, не пожалеете, вон там записывают ко мне в лохос, скажите, что Герон принял вас в свой отряд.

Он ткнул копьем в сторону ближайшей площади, где толпа наёмников жадно окружала писцов, вписывавших имена в длинные списки. Там звенели монеты, раздавались обещания и присяги, и казалось, будто весь Невкратис дышит только этим: войной, блеском золота и надеждой на удачу.

Я почувствовал, как взгляды десятков людей упали на нас: одни с интересом, другие с хищным прищуром. В этом городе чужак не мог остаться незамеченным.

Фалес тихо сказал мне:

— Здесь не думают о смысле. Здесь думают о золоте. И если мы хотим пройти дальше, нам надо немедленно отсюда выбраться, давай пойдем записываться и незаметно сбежим.

Но едва мы тронулись с места, как к нам шагнул другой человек — высокий, плечистый, в синей хламиде с золотой фибулой на плече. На боку у него висел длинный меч, а в руке он держал кубок, из которого при каждом его шаге хлестало вино.

— Не слушайте его, — сказал он, указывая на первого вербовщика. — Этот пес тянет людей в поход, а сам ни разу не видел настоящей войны.

Толпа загудела, кто-то кивнул, кто-то засмеялся.

— А я, — продолжал он, поднимая кубок, — служил в Сирии, где стены городов выше мачт, а копья врагов сыплются, как дождь. Я прошёл через это и вернулся живым, с золотом и славой. Я знаю, как вести людей в бой. Со мной вы не будете рубленным мясом, а воинами, которые вернутся героями.

Он расправил плечи, и наёмники вокруг одобрительно загудели. Некоторые уже потянулись ближе к нему, отталкивая плечами людей первого вербовщика.

Тот, побагровев, шагнул вперёд:

— Лжец! Сирия осталась позади, а что ты знаешь о пустынях Нубии у истоков Нила! Там пустыня и смерть! И кто поведёт вас — пьянчужка с кубком? С ним вы погибнете!

Второй рассмеялся, плеснув вином на доски причала:

— Смерть ждёт тех, кто идёт за дураком! Я же знаю, как добыть победу даже в проклятой пустыне. Кто со мной — тот вернётся под солнцем славы!

Толпа гудела, как встревоженный улей. Первый вербовщик по имени Герон, почувствовав, что симпатия толпы перетекает к сопернику, резко развернулся и ткнул наконечником копья в нашу сторону:

— Вот, смотрите! Свежие, крепкие. Милетяне! С ними мы выступим завтра и сокрушим нубийцев, и вернемся с мешками полными золота, каждый принесет столько, сколько сможет унести!

Плечистый наёмник в синей тунике хмыкнул.

— А ты, часом, не врешь про золото? — сказал он. — Больно уж это похоже на сказки. Кто тебе сказал, что в Нубии его раздают мешками?

Первый хитро прищурился.

— А скажи-ка мне, — медленно проговорил он, — как по-египетски будет «золото»? Вот если захочешь спросить египтянина: «друг, где золото?» — каким словом ты начнёшь?

Плечистый замялся.

— Не знаю я египетского. Да и больно надо. Зато меч и копье держу крепко — этого достаточно.

— А вот и нет, — ухмыльнулся первый. — Золото по-египетски — **нуб**. Понял теперь, что значит **Нубия**? Страна золота. Там его не ищут — его гребут. Нужно только знать, где копать. Но где уж тебе — ты ведь языка не знаешь.

Толпа снова загудела, но стало ясно: здесь решает не только сила руки — здесь впервые проявилась сила **слова**, и слово это — **золото**, ещё даже не показавшись из песка, уже взбудоражило толпу, как пчел, почувствовавших запах меда.

Второй резко обернулся, качнув кубком так, что вино снова пролилось.

— Милетяне? — громко переспросил он. — Эти люди достойны не болтуна, играющего словами, а командира, прошедшего Сирию! Сколько твоих бойцов вернулось живыми, скажи?

Толпа загудела, кто-то выкрикнул: «Правду говорит!», кто-то зашипел в ответ.

Герон покраснел, шагнул ближе и рывкнул:

— Молчи, пьяница! Эти идут со мной. Фараон велел набирать лучших, и я первый их заметил!

Он резко повернулся к толпе, указывая на нас:

— Скажите, под чьим знаменем они пойдут? Под моим или его?

Десятки глаз жадно смотрели на нас, словно мы уже не люди, а трофей, приз, за который дерутся.

— Решайте! — крикнул второй, глядя прямо на меня. — Кому вы доверите свою жизнь: мне, ветерану, или этому неучу, что ведёт вас в смерть?

Толпа гудела, как потревоженный улей. Кто-то смеялся, кто-то скандировал имя первого вербовщика, другие подхватывали имя второго. Одни махали кубками, разливая вино, другие уже ставили ставки: «Эти трое — к Герону!» — «Нет, к Гераклиту, у него рука твёрже!»

На нас смотрели десятки глаз, но не как на людей, а как на приз — словно мы были козлами на рынке. Толпа потихоньку вбирала в себя энергию спорщиков, умножала ее и приходила в веселое настроение, требующее для разрядки что-нибудь учудить.

— Друзья, — сказал Фалес, призывая вербовщиков проявить разум, — у нас есть письмо из Милета, — показывая свиток с печатью города, — и мы едем ко двору фараона с важным известием, не останавливайте нас.

— Письмо с Печатью Милета, — развязно произнес Гераклит, откидывая синюю хламиду и протягивая руку, — давай сюда, я его для вас сохраню. У меня оно будет целее.

Но тут раздался громкий, насмешливый голос, неожиданно разрядивший атмосферу:

— Кого я вижу, ну вот вы и попались, голубчики! Эти люди пойдут не на войну, а в тюрьму — они мои должники!

Мы обернулись: через толпу проталкивался Харакс, тот самый, которого мы встретили в море — всё такой же нахальный, с хитрой ухмылкой и золотой серьгой в ухе, шрам через все лицо уже начал заживать и придавал ему особый, мужественный шарм. За ним, распахивая плечами наёмников, шли Ксанф и ещё двое его дружков. У Ксанфа на поясе болтался короткий меч, а в руках — дубина, явно не для красоты.

Харакс вытащил из-за пазухи помятый пожелтевший свиток папируса и, размахивая им в воздухе так, чтобы было видно всем, громко крикнул:

— Я разыскиваю этих проходимцев уже два месяца! Вот бумага от судьи, она дает мне право хватать их и тащить в суд. И не вздумайте противиться! — выкрикнул он, обращаясь к нам. — А не то я призову стражников фараона, и поверьте, это лишь отяготит вашу участь. Советую меня не злить, весь Египет знает, что Харакса лучше обходить стороной, а связываться со мной — это верная смерть! Да какие из них воины, вы что, слепые? Эти трое взяли у меня шесть бочек вина и еще парочку расписных глиняных кувшинов и смылись, не уплатив! Какой, к чёрту, поход, какие нубийцы — пусть сперва долги отдадут или пойдут грести на галеры!

— Эй! — закричал первый вербовщик, багровея. — Убирайся, пьянчужка, пока тебя самого не вписали в списки и не отправили в цепях в Мемфис!

— В цепях? — Харакс изобразил испуг, тут же отпил из кубка и прыснул смехом. — В цепях держат рабов, а я — уважаемый человек! Может, я кому-то должен денег, или морда моя кому-то не нравится? — Он обвёл толпу наглым взглядом, — Не стесняйся, выходи! Кто смелый?

Харакс вальяжно махнул рукой, и за его спиной выстроились два десятка карийцев в полной боевой оснастке, ребята держали себя сдержанно, даже скромно, но что-то в их виде, в той непринужденности, с которой они несли на себе броню, размеренности и слаженности их движений, продуманности и точности дистанции, которую они держали, подсказывало знатоку, что это совсем не те ребята, с которыми стоит связываться.

Толпа замолкла. Имя Харакса мало кому было знакомо, но держался он так уверенно, а карийцы выглядели так опасно, что все невольно отступили. Вербовщики переглянулись и, сплюнув, бросили:

— Пусть эти проходимцы получают по заслугам.

Харакс, не теряя момента, схватил Фалеса за локоть, подтолкнул меня и шепнул:

— Двигай ногами, философ. Не хлопай клювом.

Мы быстрым шагом выскользнули из кольца. Ксанф и его дружки прикрывали спину.

— Быстрее, — бросил Харакс, — пока эти идиоты не передумали. Во-первых, их много, а во-вторых, просто по-человечески жаль дураков.

Фалес оглянулся на толпу и на спорщиков:

— Видишь? — сказал он. — Они ещё не вышли в поход, а золото уже в мешках. Вспомни об этом, когда усомнишься в силе слова.

Мы свернули в узкий переулок, оставив позади крики и звон оружия. Когда шум гавани затих, Харакс остановился, и ухмыльнулся:

— Ну что, должники, теперь вы можете меня отблагодарить, я ведь, как и ты, Матан, тоже ничего не делаю даром, работа у меня такая. Ты же не маленький, и я не должен тебе объяснять, что ты попал в кампанию нехороших людей, а я тебя из этого дерьма вызволил.

— Первым делом угости нас, пойдёшь с ребятами к кораблю, выкати им ещё три бочки того вина, оно оказалось совсем недурным, — Харакс, довольный своей выходкой, вытер пот со лба, вытянул из-за пояса флягу, сделал глоток и передал Ксанфу. Тот не спеша отхлебнул, потом бросил на нас тяжёлый испытывающий взгляд и сказал:

— Но это не все, есть у меня к тебе ещё одно дельце. Вечером мы принесем тебе кое-что на корабль, небольшой груз, этому никак нельзя оставаться в Египте, потому что египтяне ищут его днём и ночью. Если они поймают — нам конец. Но если мы успеем — у нас будет золото, много золота.

Шварценблум хмуро спросил:

— И что за груз?

Харакс ухмыльнулся, прищурившись, и его голос стал тягучим, почти заговорщицким: — Груз из святая святых. Скажу одно: если египтяне узнают, что он в ваших руках — вам лучше самим броситься в Нил.

Фалес нахмурился:

— Значит, это связано с храмами

Харакс только подмигнул:

— А вот это, философ, ты узнаешь позже. Пока решите: идёте с нами или остаётесь беззащитными. В Невкратисе чужаки без друзей долго не живут.

— Передвигаться по Египту с этим нельзя, — размышлял вслух Матан, — если вы действительно принесете этот ужас на мой корабль, я отплываю в ту же минуту и плыву в Шикмону,

там я, под покровом ночи, под полом своего дома рою яму глубиной в 10 локтей и никому об этом не рассказываю, и сам забываю об этом навсегда. Я вспомню об ужасном мешке, только если кто-то из вас придет его забрать.

— Я заеду к тебе в Шикмону, как вернемся из похода. Кстати, прикупи еще этого вина, — сказал Харакс, — я заеду к тебе за ним, когда вернусь из Нубии с золотишком, куплю себе запас в погреб, считай, я теперь твой постоянный покупатель. Ты же пригласишь меня погостить у тебя денек? Да ты не бойся, в честной кампании я всегда веду себя честно. Объяснить, откуда такая привычка? — Он указал в сторону карийцев. — Каждый из этих ребят, стоит десяти, но у них один маленький пунтик, они понимают только честный разговор, если кто-то их обманет — он больше не жилец.

— А как ты узнал, что мы оказались в беде? — спросил Матан.

— Сижу это, значит, я и отдыхаю, — ответил Харакс, — слышу шум, ну, думаю, эка невидаль, здесь по сто раз на дню то шум, то мордобой. Но что-то меня словно толкает в зад, иди, говорит и посмотри, что-то там неладно. Ну, я наспех взял копье, сказал ребятам приготовиться на всякий случай и пошел, смотрю, а тут вы попали к этим жуликам в лапы. Держись с нами, потом расскажешь, каким ветром тебя сюда занесло.

— Мы направляемся в Фивы, в Долину Царей. Боги загадали нам загадку и приказали явиться в Храм Хатшепсут, и мы повинемся. Если ты хочешь, чтобы я увез из Египта твой мешок, ты должен будешь помочь моим друзьям добраться туда.

Харакс прищурился, ухмылка с его лица почти исчезла.

— В Долину Царей? — протянул он медленно. — Это уже не мордобой в кабаке. Это не близко. Там обитают совсем иные силы и просто так туда не попасть, место охраняется особыми стражами фараона.

— Достаточно, чтобы ты помог им добраться до Фив, к храмам тебя все равно не пустят, дальше они дойдут сами. Сделаешь?

Харакс пожал плечами:

— А чего тут мудрить, поход против нубийцев уже гремит по всему Египту, и половина наёмников поднимаются вверх по Нилу. Нам одна дорога — на Юг, так что нам не миновать ни Мемфиса, ни Фив. Просто теперь у меня в отряде будет не сто пять, а сто восемь человек, на три больше. А там посмотрим, до храма как-нибудь доберемся.

Фалес кивнул:

— Этого вполне достаточно.

Мы остались на ночлег у костра Харакса и его карийцев, сомнительно, чтобы во всем Невкратисе этой ночью можно было бы найти более надежное и безопасное место.

Карийцы разделились на пять групп, каждая из которых сидела у своего костра. В принципе, вполне логично, так формируются все армии с начала времен, в роте Харакса было пять взводов.

Огонь потрескивал, бросая отблески на лица воинов. Они сидели в кольце, коротко переговариваясь на своём грубом наречии. У колена каждого лежал овальный щит, обтянутый толстой кожей и украшенный выжженными знаками — у одного это был крылатый бык, у другого — птица с высоко вздёрнутым носом, у третьего — змея, свернувшаяся в кольцо. В центре щитов блестели бронзовые умбоны со следами множества ударов. Рядом лежали изогнутые махайры, напоминающие огромные тяжелые тесаки сантиметров в 60 длиной. К махайрам добавлялись длинные копья с зазубренными наконечниками, с помощью которых они были вбиты в землю рядом с ногой.

Панцири их были просты — кожаные, но с бронзовыми накладками, потемневшими от солнца и времени. На плечах висели нашитые бляшки из меди, поблескивающие в свете костра. Шлемы лежали рядом: кожаные колпаки с бронзовыми пластинами и высокими гребнями, украшенными перьями.

Фалес, сидевший рядом со мной, неожиданно нарушил молчание и тихо сказал:

— Египет — это удивительная страна, прикасающаяся своим прошлым к вечности. Храмы ее хранят величайшую мудрость. Но только сто лет назад эллины смогли приобщиться к ней. Хотите знать, как это произошло и как возник Невкратис?

Карийцы с интересом повернули головы и некоторые из них кивнули.

— Итак, слушайте, я расскажу вам то, что узнал, когда был в Мемфисе

Двенадцать царей правили страной Египтом справедливо и верно соблюдали свой договор;

но однажды, когда они приносили жертву в храме Птаха и хотели в последний день праздника совершить возлияние, верховный жрец по ошибке подал им вместо двенадцати золотых жертвенных чаш, в которых обычно совершалось возлияние, только одиннадцать. Тогда последний царь Псамметих, так как у него не было чаши, снял с головы медный шлем и протянул его для возлияния. Все цари носили тогда медные шлемы, и они были в это время у них на головах. Псамметих, однако, протянул свой шлем без всякого коварного умысла, а другие заметили поступок Псамметиха и вспомнили предсказание оракула о том, что совершивший возлияние из медной чаши будет царствовать над всем Египтом. Так вот, вспомнив об этом, они все же решили не лишать жизни Псамметиха, так как после допроса нашли, что он совершил это неумышленно. Тем не менее они постановили лишить его большей части владений и изгнать в прибрежную [низменную] область страны, запретив общение с остальным Египтом.

А этому Псамметиху уже прежде однажды пришлось бежать от эфиопского царя Сабака, который убил его отца Неко. Сам он спасся тогда бегством в Сирию. Когда затем эфиопский царь, побуждаемый сновидением, удалился [из Египта], египтяне, жители Саисской области, вернули Псамметиха назад. Теперь, уже будучи царем, Псамметиху вторично пришлось бежать в прибрежную низменность от одиннадцати царей из-за шлема. Почувствовав себя тяжело оскорбленным, Псамметих задумал отомстить своим гонителям. Он спросил оракул Латоны в городе Буте, где находится самое правдивое прорицалище в Египте, и получил ответ: «Отмщение придет с моря, когда на помощь явятся медные люди». А Псамметих ни за что не хотел поверить, что спасение ему принесут медные люди. Через некоторое время, однако, ионян и карийцев, которые занимались морским разбоем, случайно занесло ветрами в Египет. Они высадились на берег в своих медных доспехах, и один египтянин, никогда прежде не выдававший людей в медных доспехах, прибыл к Псамметиху в прибрежную низменность с вестью, что медные люди пришли с моря и разоряют поля. Царь же понял, что сбывается прорицание оракула, вступил в дружбу с ионянами и карийцами, и великими посулами ему удалось склонить их поступить к нему на службу наемниками. А когда он склонил их, то со своими египетскими сторонниками и с помощью этих наемников свергнул других царей.

Ионянам же и карийцам, которые помогли ему [вступить на престол], Псамметих пожаловал участки земли для поселения друг против друга на обоих берегах Нила. Эти поселения назывались станами. Земли эти царь пожаловал им и, кроме того, все остальное по обещанию. Он передал им даже египетских юношей на обучение эллинскому языку. Эти египтяне — предки теперешних толмачей в Египте. А ионяне и карийцы долгое время жили в этой области. Она лежит по направлению к морю немного выше города Бубастиса, у так называемого Пелусийского устья Нила.

Так-то Псамметих стал царем Египта.

Карийцы слушали молча, кто-то сидел, сосредоточенно закрыв глаза, кто-то жевал хлеб, глядя в пламя. Но в их молчаливой сдержанности было нечто, что сразу отличало их от крикливых и пьяных толп наемников в порту: здесь сидели люди, пережившие десятки боёв и знав-

шие цену жизни, они впитывали в себя энергию окружающего, зная, что она им вскоре понадобится. И если я ненароком ловил взгляд одного из них, этого взгляда хватало, чтобы понять: с ними лучше быть рядом, чем напротив.

— «Город забытой чаши», - промолвил я, - интересно, эту чашу потом нашли? Такая мелочь, а сколько всего из-за нее произошло.

Фалес поднял на меня глаза и улыбнулся своей лёгкой, почти детской улыбкой:

— Ты думаешь об утерянной чаше, но не о руке, что подняла шлем. Сама чаша — всего лишь вещь из золота. Смысл в поступке. Историю изменила не вещь, а действие.

Шварценблум возразил:

— Я думаю, чаша была тоже важна. В душе Псамметиха уже было все необходимое, потенциал, чтобы стать царем обоих Египтов, но пропавшая чаша привела к тому, что потенциал проявился. Без этого у Псамметиха не появилось бы намерения. Но вы оба в чем-то правы, историю изменили и пропавшая чаша, и поступок Псамметиха. Вино давно испарилось, цари давно умерли, чаша, если она где-то цела, всё ещё хранит их тени. Но здесь стоит город, в котором мы сейчас сидим у костра!

Харакс рассмеялся, подбросил в костёр щепку и добавил:

— Ну, теперь всё ясно. Надо нам тоже обзавестись медными шлемами. Как только увижу жреца с кубками, я свой первым суну — и стану фараоном. И знаете, что я тогда сделаю, — не унимался Харакс, — первым указом я велю убрать из Египта всех мудрецов, от вас уже голова болит.

Карийцы хмыкнули. Один, помоложе, приснул в кулак. Даже Шварценблум позволил себе улыбку.

— Ну что же, — сказал Ксанф, — перед сном нужно доделать кое-какие делишки. Матан отплывает сегодня ночью, мне нужен десяток человек, чтобы сопроводить нас до корабля. Кто пойдёт?

Десять карийцев встали с насиженных мест у огня. Без лишних слов они накинули на плечи кожаные панцири, повесили на бок изогнутые тесаки, подняли с земли свои щиты и длинные копья. Мы тоже поднялись, чтобы проводить Матана.

Ксанф поднял с земли мешок из грубой льняной ткани и перебросил через плечо. Что-то металлическое таинственно позвякивало внутри — то мелодично, то резко, то глухо.

Мы пошли к пристани. Ночь была тёмной, а воздух прохладным, с реки дул ветерок, смешанный с влажным запахом камыша и речной воды. Костры вдоль берега отражались в чёрной воде, и эти отражения дрожали, будто вечная река сомневалась, стоит ли принимать всерьёз все это нахлынувшее воинство.

Карийцы шагали молча, шурша кожаными ремнями и постукивая древками копий. Иногда, в короткой паузе между шагами, звякал мешок в руках Ксанфа, и каждый раз этот звук резал тишину, как нож.

Я заметил, как Шварценблум шёл чуть позади, хмуясь и поглядывая на мешок, когда из него раздавался очередной звон. Он не произнёс ни слова, только несколько раз провёл пальцами по виску, словно пытался поймать ускользающую мысль.

Вскоре мы вышли к кораблю Матана. Он тихо покачивался на чёрной воде, будто дремал, и только скрип верёвок сливался с порывами ветерка в мелодию ночи. Ксанф первым шагнул на трап, и мешок зазвенел особенно громко.

Мы зашли в каюту Матана, Ксанф с довольной ухмылкой опустил на пол тяжёлый мешок и, небрежно вытащив нож, распорол верёвку. Изнутри засияло золото и серебро: ритуальные сосуды с головами шакалов и соколов, лампы в виде лотосов, ладанные курильницы, статуэтки, а поверх — массивная ручная систра с золотым инкрустированным ободом. От вещей тянуло густым ароматом ладана, будто они только что покинули храмовую ризницу. Всё это глухо брэнчало, как бессмысленная куча.

Фалес резко отпрянул, его лицо стало каменным.

— Ты сумасшедший, — сказал он глухо. — Это храмовое добро.

Шварценблум наклонился ближе, и голос его был почти шёпотом:

— Египтяне не прощают святотатцев. Если нас схватят с этим — мы не просто умрём. Нас будут мучить, чтобы Маат увидела, как зло искореняется из мира.

— О боги, — воскликнул Матан, — как низко я пал! Я превратился в грабителя храмов и гробниц. Простите меня, я никогда бы даже не помыслил о подобном, будь у меня выбор. Простите и им, они не ведают, что творят. Знаете ли вы, какое наказание ждет нас, если краденое будет обнаружено? Обычно воров сжигают живьем.

Я почувствовал, как горло пересохло, а ладони стали липкими. На миг мне показалось, что в серебре сосудов отражаемся не мы, а звериные лица со светящимися красноватыми глазами.

Харакс рассмеялся:

— Ну так решайте, философы, либо золото, либо костёр. Третьего не дано.

— О времена, о нравы! — грустно продекламировал Шварценблум.

— Да ладно, ребята, — словно извиняясь, сказал Харакс, — вы прямо как моя мама. Не крал я этих вещей, они достались мне как трофеем, а хозяин уже мертв и с него ничего не возьмешь. Вы же не хотите, чтобы я явился с этим мешком перед стражниками фараона, тогда уж меня точно сожгут живьем. Кстати, и вам тоже не поздоровится, заодно, вы же со мной.

Неожиданно из мешка выкатилась небольшая золотая чаша со слегка затёртой поверхностью, покрытая странными знаками. По ее ободу шли простые волнистые линии, будто имитирующие движение воды.

Чаша покатила по палубе и остановилась у ног Матана.

— Смотри-ка, хочет к тебе, — сказал Ксанф, подняв ее и протянув Матану, — это знак богов. Держи, капитан, для вина сгодится. Можешь оставить себе, как память о нашей сделке.

Матан помедлил, но взял. Чаша оказалась удивительно тяжелой — металл будто вобрал в себя века. Он внимательно осмотрел ее, провёл пальцем по краю и нахмурился, а потом открыл небольшой сундучок, расположенный рядом с ложем, положил внутрь и обратился к нам:

— А вы не безобразничайте и не отвлекайтесь, это не ваша война, думайте о загадке Змея. Я выйду в море и буду ждать знака.

Матан подозвал Бен-Ами и попросил выкатить из трюма три бочонка вина, как и было обещано Хараксу. Кариийцы скрепили по два копья с каждой стороны с распорками, поверх положили плащ и соорудили носилки, на них положили бочонки и сошли с корабля. Мы вернулись в лагерь Харакса тем же путем, что и пришли. На ночлег мы устроились в помещении, напоминающем заброшенный склад.

Дыхание войны

С первыми лучами солнца нас разбудил Харакс. В руках у него были три комплекта лат и простого вооружения — копья и круглые щиты карийского образца. Он, ухмыльнувшись, бросил доспехи к нашим ногам:

— Одевайтесь. Теперь вы — мои люди и выполняете мои команды так же, как мои карийцы. Через двадцать минут вы со всеми вещами должны выстроиться на плаце, мы отправляемся в Мемфис.

Мы начали одеваться, снаряжение сидело грубовато, но суровым карийским наемникам, коими мы теперь являлись, приходилось справляться без жалоб. Харакс следил за нами с привычной насмешкой, но глаза его были серьёзные. Когда мы наконец облачились в воинский доспех, он присел на скамью и сказал тихо:

— Война в Нубии отменяется.

Мы удивлённо переглянулись. Он кивнул, как бы подтверждая слова самому себе:

— Войско фараона, посланное на помощь Иерусалиму, разбито. Те, кто вернулся, принесли страшные вести. Они говорят, что армия Навуходоносора уже готовится вторгнуться в Египет. Мемфис стоит на краю — и скоро туда двинутся войска ассирийцев. Хищник теперь, вроде, они, а в роли жертвы, получается, мы, по крайней мере им так кажется.

В комнате стало холоднее, хотя утреннее солнце уже падало в проём двери. Серебро, которое я считал своей надёжной опорой, показалось вдруг ничтожно мелкой защитой в мире, где разговор ведут между собой железные тесаки, тучи стрел и быстроходные колесницы. Это уже не поход за добычей, а столкновение двух армий, вооруженных до зубов новейшим оружием под командованием опытных полководцев.

Фалес мрачно сказал:

— Значит, мы в самом сердце грядущей бури.

Харакс усмехнулся, но усмешка была тяжёлой:

— Да, философы, у вас появился шанс увидеть эту бурю изнутри. Не знаю, станете ли вы мудрее, но вернетесь настоящими мужиками.

Минут через пятнадцать мы вышли с вещами на плац. Карийцы уже выстроились, они стояли пятью группами по двадцать человек, каждая группа по пять человек в четыре ряда. Харакс коротко махнул нам рукой в направлении одной из групп, мы подошли и пристроились в последнем ряду, вещмешки положили на землю у ног и оперлись на копья.

Харакс встал перед строем и громко произнес:

— Мы отправляемся в Мемфис, туда идет ассирийская армия, и мы встанем в ряды защитников города. Вопросы есть?

Вопросов ни у кого не было, и Харакс замолчал, чего-то ожидая. Вскоре к нему подошли несколько египтян, чиновников и писцов и встали рядом, переминаясь с ноги на ногу. Через несколько минут к ним присоединились двое: военный в доспехе и человек в официальной белой хламиде с длинным багровым жгутом у пояса.

На военном был панцирь из бронзовых чешуек, которые ложились рядами, будто перья на крыльях Хора. Каждая пластинка была отполирована так, что играла светом, и казалось, что бронзой покрыто всё его тело. На голове — бронзовый шлем с широкой золотой накладкой. Он явно был какой-то крупной шишкой.

В правой руке он держал боевой топор с длинным топорщиком, отливающий красноватым железом — редкостью и гордостью Египта того времени. На поясе, подвешенный к кожаным ремням, висел изогнутый, богато украшенный меч-копеш — боевой серп, любимое оружие египетских командиров. Левой рукой он слегка придерживал щит из слоёного дерева, обтянутый кожей и расписанный солнечным диском.

Он не спеша подошел к нам и выверенными, мерными шагами прошелся перед строем. В нем не чувствовалось напыщенности и лишнего величия — скорее властное спокойствие человека, привыкшего повелевать. Высокий рост, широкие плечи, медная кожа, на которой отблескивали золотистые искры утреннего солнечного света.

— Я Неферхор, — произнес он внятно, — военачальник, поставленный фараоном для командования армией из греческого Номы. Я воевал 15 лет в Ханаане и Ливии и на моей стороне неизменно были боги и боевая удача. Мы принимаем вас на службу фараона.

Человек в белой хламиде выступил вперед и громко произнёс:

— Я Пенптах — писец из палат военачальника Неферхора и мне поручено оформить договор.

Перед нами развернули два свитка: один для священнослужителей и военной канцелярии, второй для Харакса. Пенптах торжественно взял один из папирусов и стал читать вслух условия договора:

— За каждого воина от фараона будет выдан аванс — одна неделя жалованья наличными, зерно и масло на первую десятидневку, ежедневные пайки в виде жетонов на хлеб и пиво; еженедельная оплата серебром будет поступать через местного смотрителя. Кроме того — продовольственные жетоны и воинский знак. Взамен воины будут повиноваться командиру, будут честны, храбры и будут достойно исполнять свой воинский долг.

— Они не отступят от знамен Божественного Величества, но будут стоять, где им велено, пока дыхание в их груди.

— Они не изменят клятве, данной Неферхору, военачальнику фараона, но будут повиноваться каждому слову его.

— Они не возьмут имущества храма, ни хлеба, ни вина, ни сосудов, ибо свято оно, но будут охранять его от грабежа.

— Они не поднимут меча на жителей Египта, но будут щитом для их домов и нив.

— Они не укроют беглеца и не оставят товарища в бою, но будут хранить строй и поднимать павшего.

— Они не возьмут больше доли, чем положено, но будут довольствоваться жалованьем и пайком, дарованным фараоном.

— Они не предадут тайну военного совета, но будут хранить слово и замысел владык Египта.

И да будет над ними защита великого Ра, если они сдержат клятву. И да падёт на них проклятие Апопа, если они её нарушат.

Я скрыл улыбку, потому что зря они приплели сюда Апопа. Для них это слово — жало проклятия, для меня же — напоминание о силе, с которой я уже заключил негласный союз. Я относился к клятве фараону с уважением, но уж простите, мы тут все под Змеем ходим, а они вот так его обижают. Если бы кто-то заметил искру в моих глазах, он мог бы принять её за крамолу, поэтому я опустил взгляд на каменные плиты, сделав вид, что слова писца тяжело легли мне на сердце, а не пробудили смехок.

Карийцы слушали слова Пенптаха с разными лицами. Многие, привыкшие к войне и клятвам, стояли равнодушно, не моргая, давно устав от слов, сказанных не один раз. Видно было, что для них такие речи — лишь формальный обряд. Но один, молодой, с едва пробившейся бородкой, прижал руку к груди, словно действительно заключал договор с богами Египта. Его губы беззвучно повторяли слова присяги, и он выглядел так, будто готов здесь и сейчас отдать жизнь за новое знамя.

Неферхор стоял неподвижно. Солнце скользнуло по бронзовым пластинам его доспеха, и лицу, подчеркнув холод его взгляда. Он не нуждался в знаках божественной власти — его власть держалась на силе воли и воинах, которые шли за ним в бой.

Зачитав договор, Пенптах вынул палочку и что-то записал на свитках, затем извлек из деревянной шкатулочки круглую печать, разогрел воск и поставил на папирусы восковые оттиски с изображением солнечного диска и кобры. Один из папирусов он передал Хараксу, а второй оставил себе. Взяв из рук своего помощника небольшой деревянный ларчик с медными жетонами, он передал его Хараксу — это были жетоны на комплекты харчей на сто десять человек.

После передачи связок жетонов военачальник Неферхор шагнул вперёд. Он поднял топор, но не угрожающе, а высоко над головой, так, что солнечный диск на его щите и лезвие топора поймали утренний свет.

— Слово сказано и печать поставлена, — произнёс он, — теперь боги должны услышать.

Жрец, сопровождавший писцов, вынес вперёд маленький переносной жертвенник с чашей для возлияния. В неё плеснули немного вина и каплю масла, и огонь на жертвеннике вспыхнул выше.

Карийцам велели протянуть копья вперёд и слегка ударить ими о землю — разом, в знак согласия. Этот гулкий звук по камням плаца стал как бы печатью живых, такой же веской, как восковая печать писца.

После этого Пенптах громко воззвал:

— Да будет свидетелем Ра, что присяга дана! Да будет свидетелем Хор, что клятва услышана!

И все египтяне — чиновники, писцы и жрецы — одновременно коснулись земли кончиками пальцев, затем лба, и отступили назад, освобождая пространство.

Только тогда Неферхор опустил топор, и коротко кивнул: — С этого дня вы — воины Божественного Величества, поздравляю вас, это великая честь.

Ударив себя кулаком по бронированной груди, он торжественно повернулся и пошел прочь в сторону реки. Вслед за ним подались писари и жрецы.

— Мы отправляемся в Мемфис, — громко произнес Харакс, встав перед строем, — у пристани стоят два корабля, с которыми мы сейчас отплываем вверх по течению. На их бортах выведено мое имя «Харакс». На первом корабле поплывут три взвода (Ксанф, Лигдамис, Мирсидор), на втором два взвода (Феронтис, Дамирис). Всем командирам взводов подойти ко мне за жетонами. Дорога возьмет около двух дней. Каждый день будет одна остановка на еду и одна на ночевку. Выполнять!

Тяжело нагруженные мы пошли к реке. Нил лежал перед нами широкой полосой воды, и казалось, что он не течёт вовсе, а стоит неподвижно, отражая в себе небо и редкие белые облака. Лишь если приглядеться — можно было заметить, как у самой поверхности плывут клочки травы, увлекаемые медленным течением.

Страх проснулся где-то далеко, как слабый звон, головная боль перед бурей. Неприятный, но не оглушающий — просто напоминание, что скоро всё начнётся. На миг мелькнула мысль: а что, если спрятаться? Переждать, соскочить. Но тут же стало ясно — нет.

Во-первых, потом не сможешь смотреть в глаза товарищам. С этими людьми встал в строй, с ними ел хлеб и пил вино, и вернёшься ли живым или нет — это уже не так важно, как то, что тебя будут помнить, как беглеца. У карийцев вообще жестко. В Кarii ты в дом не вернёшься, если бросил своих, они не простят.

Во-вторых, оторвись сейчас — и останешься один. Один в чужой земле, без своих, без защиты. Тут не спрячешься: всё равно сдохнешь, только без чести и без имени.

В-третьих, путь уже намечен. Вчера можно было думать и выбирать, а теперь — поздно. Есть дорога, и надо по ней идти. Не ты её придумал, но раз уж оказался на ней, остановки нет, все идут, и ты иди.

Фалес шёл рядом и молчал. Его лицо было спокойным, но задумчивым.

— Знаешь, — сказал он, — я всегда считал войну наиглупейшим из занятий. Ставить свою жизнь на волосок от смерти, ради чего? Если и представлял себя, поднявшим оружие, то по воле Ананке, по необходимости защищать свою жизнь, свой дом и свой город. Но никогда, в самых причудливых снах, я не представлял себе, что отправлюсь на войну наемником, в чужую страну, ища удачи под крылом Тихе.

— Мы уже как-то прошли момент, когда можно выбирать, — сказал я. — Когда ты оказался в потоке, поздно думать об этом, надо было думать, пока ты ходил по берегу.

— Значит, выбора нет, есть только Судьба? — поинтересовался Фалес.

— Нет, — ответил я. — Он был. Просто он был раньше.

— Наш мир — сон Змея, — сказал я. — Пока он не смотрит на нас, можно делать что угодно, хоть на голове ходить. А теперь мы с тобой герои его сна. Когда его взгляд падает на тебя, приходится купаться в лучах славы, хочешь ты того или нет. Путь уже начертан и остаётся только одно — пройти его достойно. Я, к примеру, окажусь в храме Хатшепсут, я почему-то абсолютно в этом уверен, хотя ни разу не видел этот храм и даже не знаю, как он выглядит.

Шварценблум, напротив, шел, не отрывая взгляда от земли. Он шагал, чуть нахмурившись, во взгляде его читалась тревога — не за себя, а за нас, за людей, которых он обязан довести до места.

Он помолчал ещё несколько шагов, потом тихо сказал:

— Вы оба говорите так, будто судьба — это одна дорога, по которой нас ведут.

На самом деле дорог много.

Просто вы их не видите.

Мы с Фалесом посмотрели на него.

— Магия, — продолжил он, — это искусство видеть дороги и тропинки между ними и вовремя перейти с одной на другую. Если бы всё было предрешиено, никакое заклинание не работало бы.

На берегу стояли два лёгких судна — длинные, узкие, с поднятыми носами. Их мачты торчали вверх, как стройные копья, а паруса походили на сложенные крылья огромных птиц. На палубах сидели гребцы — загорелые, меднокожие египтяне с обритыми головами, в белых накидках — и лениво перебирали канаты.

Рядом со мной кто-то кашлянул, плечо коснулось плеча, и мы стали подниматься по трапам на корабли. Плеск волн, скрип уключин, запах смолы и речной тины — всё это прогнало лишние мысли. Здесь не оставалось места для сомнений: дорога вниз к воде вела нас так же неотвратимо, как течение вело воды самого Нила к морю.

Мы погрузились на первый корабль и уселись на скамьи. Через полчаса ладьи отчалили от пристани под размеренные удары вёсел, затем матросы поставили паруса, и мы поплыли вверх по течению — против медленных вод великой реки.

Путь из Невкратиса в Мемфис пролегал по землям, которые выглядели сначала гостеприимными, потом всё более дикими. Днём река тянулась меж полей, где крестьяне в коротких набедренных повязках поднимали мотыги, отбрасывая комья земли под нещадным солнцем. Женщины в белых накидках полоскали бельё у самой воды, дети бежали за ладьёй, размахивая руками и смеясь. Из рощ раздавались голоса птиц — резкие, незнакомые, будто звуки из другого мира.

Дальше берега становились все глуше. Вереница полей стала прерываться, пальмы редели, уступая место серым глиняным склонам. На отмелях лежали крокодилы, неподвижные, с раскрытыми пастьями, в которых блестели острые зубы. Несколько раз мы видели семейки гиппопотамов, дремлющих на мелководье, при нашем приближении они пятались на нас и смешно подергивали маленькими ушками, а гребцы плавно замедляли ход, чтобы их не тревожить. А потом даже крокодилов стало все меньше.

Ночи стояли ясные и звёздные. Египтяне выбирали место для ночёвки — тихую излучину, где не было следов зверей — и бросали якорь. Мы спали прямо на ладье, на скамьях, слушая, как вода мягко бьётся о борт и как ветер шевелит парус. Иногда казалось, что река говорит с нами — о далеком прошлом, когда сами боги Египта ходили по её берегам.

С рассветом мы снова трогались в путь. С первыми лучами солнца туман над водой начал таять, открывая розовые берега, и казалось, будто мы плывём всё глубже, в самое прошлое мира, в изначальные времена «Сеп-Тепи».

Мемфис

*Видишь, сердце мое убежало тайком
И помчалось к знакомому месту.
Заспешило на юг, чтоб увидеть Мемфис.
О, когда бы хватило мне силы сидеть,
Дожидаясь его возвращенья, чтоб сердце
Рассказало, что слышно у Белой стены!
(тоска по Мемфису)*

В очередное утро солнце взошло прямо над песчаными холмами, и впереди, из золотистого марева, начали вырастать мощные силуэты древних пирамид, царящие над местностью на многие десятки километров. Через пару часов показались и белые стены Мемфиса — тяжёлые, величественные, возвышающиеся над рекой. Толстые бастионы, сложенные из массивных каменных блоков молочно-белого известняка, казались неприступными, как скалы, а на их зубцах чернели силуэты воинов. Солнечный свет блистал на бронзовых шлемах.

Город ждал врага и готовился к войне. Если представить Египетское царство живым существом, то именно здесь билось его сердце. И сейчас это сердце колотилось на пределе, с надрывным усилием, готовясь к тяжёлому испытанию. Уже на подходе к пристаням мы увидели, что Нил кипит от движения: десятки барж, гружённых зерном, оружием и людьми двигались к городу, подчиняясь единой воле фараона.

Наши ладьи пришвартовались у пристани, и мы, по приказу Феронтиса, нашего командира взвода, спустились на берег и выстроились в нескольких сотнях метров от воды. Ноги затекли, тело затвердело после двух дней сидения на скамьях, но тяжесть лат и щитов быстро разогнала оцепенение. Вокруг всё шумело и двигалось: со складов, обнесённых частоколами, выезжали гружённые телеги, по дорогам тянулись ослы с вьюками, кричали погонщики с плётками, где-то рядом звенели кузнечные молоты. Всё сливалось в гул, от которого дрожал воздух.

Харакс ушёл и вскоре вернулся с двумя чиновниками в белых хламидах. Те, пересчитав нас, что-то записали на своих папирусах и сообщили, что наше место — у холмов на южной окраине города. Мемфис стоял на приподнятой террасе, возвышаясь над водой на несколько десятков метров. По выбитым в камне ступеням мы поднялись наверх, перевели дыхание и двинулись вдоль городской стены. У ворот, ведущих внутрь города, стояли отряды египетских воинов — одни в льняных кирасах с копьями, другие — в тяжёлых бронзовых доспехах. Их взгляды, обращённые на нас, чужеземцев, были недоверчивыми, но не враждебными — скорее испытующими: годимся ли мы в защиту?

Слева от нас, громокая, пронеслась боевая колесница, запряжённая двумя лошадьми. На ней стояли два египтянина в броне: один держал поводья и лихо хлестал лошадей, второй держался за поручень с копьём наперевес. Из-под копыт во все стороны летели мелкие камешки.

Обогнув стены, мы вышли к невысокой гряде желтоватых холмов, поросших кустарником, и, наконец, увидели армию фараона. Холмы были покрыты рядами шатров, окружённых частоколами. В центре каждого лагеря возвышались большие шатры командиров, рядом склады с провиантом, бочки с водой и возы с оружием.

На одном из склонов тренировалась египетская пехота: воины в льняных кирасах, с длинными копьями и большими щитами из дерева, обтянутыми кожей. Они стояли в плотном строю, опустив щиты к ногам, и по команде закрывались ими, делая несколько шагов вперёд и одновременно поднимая копья в едином движении.

Чуть в стороне тренировались лучники. Воздух звенел от барабанной дробы их стрел — тростниковые древки одна за другой вонзались в деревянные мишени. Командиры следили, чтобы каждая стрела попадала точно в цель.

Ниже, на равнине, выстроились колесницы — в каждой пара лошадей, возничий и воин. По взмаху руки командира правая колесница трогалась, разгонялась по полю, совершала плавные повороты и возвращалась, вставая в строй.

На холмах, что справа, отдельными станами расположились нубийцы — темнолицые, сухие, с кожаными повязками на лбах и лёгкими овальными щитами; среди них было много лучников.

Чуть дальше виднелись коновязи кавалерии. Оседланные боевые кони тянули поводья, потряхивая головами и звеня металлом. Лёгкие седла были развешаны под навесами. Рядом, в тени, расположились сами всадники — в коротких льняных панцирях. Они лениво переговаривались, опершись на копья, по-видимому, утомившись после недавних учений.

И наконец, на левом склоне мы увидели наших братьев — тех, кого Геродот спустя века назовёт «ионийцами и карийцами». Их ряды казались знакомыми и чужими одновременно. Они стояли в шеренге в бронзовых панцирях с круглыми щитами и длинными копьями. Одни имитировали натиск копейщиков, другие, выстроившись плотным строем и подняв щиты, отбивались деревянными мечами.

— Вот наше место, — коротко сказал Харакс. — Устраивайтесь, обедайте, потом пару часов на отдых, а когда жара начнёт спадать — тренировки. Отрабатывайте перестройку и атаку копейщиков. Талоны на еду получите у командира взвода, еду и питьё египтяне выдают в городе, ворота вон там. Вопросы есть?

Вопросов не было.

Я немного устал от утренней ходьбы, но карийцы выглядели полными сил: часть сразу начала ставить шатры, копая ямки под шесты, часть — раскладывать плотную ткань и привязывать её к стойкам. Работа спорилась, и шатры вырастали на глазах.

Мы вместе с Феронтисом и ещё десятком карийцев взяли жетоны и направились в город за провиантом. До стен было не больше двадцати минут хода. У ворот нас остановили стражи, проверили жетоны и, увидев отгиск солнечного диска, пропустили внутрь, объяснив, как пройти к складам.

Внутри кипела жизнь: улицы были забиты обозами, по переулкам бежали мальчишки с корзинами, пахло хлебом и смолой. Мы прошли в нижний квартал у пристаней, где тянулись армейские склады — длинные кирпичные постройки с узкими окнами под самой крышей. Между ними стояли навесы с лавками ремесленников и глиняными амфорами — всё подчинено строгому порядку. Воздух был густ от запаха жареного лука, рыбы и смолы, которой натирали щиты.

Раздача пайков шла без криков и толкотни. У каждого помоста стоял писец с дощечкой и бронзовыми гирями. Воины подходили по пятеро, отдавали жетоны. Писец опускал жетон в чашу, сверял знак, кивал, и из тени выходил раздатчик — темнокожий египтянин в короткой юбке. Он ловко перекладывал в плетёные корзины буханки хлеба, кувшины пива, небольшие сосуды, затем вынес нам тушку барана, масла и луковицу — чтобы «отогнать зло», как пояснил один из них.

— Там, за выходом, стоят повозки, — сказал египтянин с лёгкой улыбкой. — Скажете возчикам, они доведут всё до вашего лагеря.

— А вода? — поинтересовался Феронтис.

— Воду подвезут отдельно, через два-три часа, — ответил египтянин. — Мы уже получили распоряжение и готовим бочки.

— Надо бы и нам, в Ханаане, завести такого фараона, — усмехнулся Шварценблум, — а то совсем отбились от рук.

Я посмотрел на табличку у ворот склада. Там, на белом фоне, иероглифами было выведено: «Госпожа Маат над пищей войска. Нарушающий порядок — нарушает истину». Повернувшись к Шварценблюму, я улыбнулся:

— Да, в Ханаане с Маат чуть труднее.

Возвращались мы под мерный скрип колёс. На повозке покачивались кувшины, и пахло свежим хлебом.

Жаркое солнце уже перевалило за зенит и клонилось к западу, когда мы вернулись в лагерь. Воины болтали, отдыхая в тени шатров.

Увидев нас, карийцы поднялись, быстро перенесли провиант в шатёр-склад, развели огонь и занялись бараниной. Мы расположились в тени, наконец присели, вытянули ноги. Через час еда была готова, и мы смогли поесть баранину с хлебом.

Но долго отдыхать не удалось. Сразу после еды Феронтис погнал всех на учения. Два карийца отвели нас в сторонку и полчаса объясняли стойку с щитом и копьём, потом — с щитом и мечом. Ещё полчаса мы синхронно наступали и отступали, пока Феронтис не остался доволен и не разрешил присоединиться к остальным, которые отрабатывали оборону под атакой копейщиков.

Мы выстроились в два ряда, в полном боевом доспехе. Пот стекал по спине. В ладонях — деревянные мечи, гладкие от чужого пота. Напротив — взвод Дамириса, с копьями, наконечники которых были туго обмотаны грубой тканью. По команде они двинулись вперёд, и наконечники ткнулись в наши щиты с глухим стуком. Удары отбивались щитами, а тех, кто слишком заносился, мы должны были «колоть» в живот мечом — не сильно, но ощутимо. После нескольких обменов ударов я понял, почему копейщиков не любят в ближнем бою: их длинные древки били точно в руки, и, если прозевал — плохо дело. Даже без наконечника удар копья был тяжёл, болезнен и валил с ног.

Занятия продолжались до заката. К вечеру, когда багряный свет заходящего солнца лег на холмы, мы вернулись в лагерь, который постепенно становился домом. Под шатрами уже лежали карийцы — кто на тростниковых циновках, кто просто на плащах. Я опустился рядом, на одну из циновок, вытянул ноги — тело ныло от усталости, болели мышцы и ссадины от копья.

Кто-то неподалёку смеялся, кто-то точил клинок, а мальчишки из обозной команды перетаскивали ведра с водой, громко споря, кто сегодня моет котлы. Всё казалось обычным, мирным — почти домашним.

Тёплый ветер из пустыни приносил запах жареного мяса и дыма от костров. Несколько человек возились со щитами, нагревая на углях глиняные кувшины со смолой. Тёплая смола блестела и стекала по дереву щитов, впитываясь в него и наполняя воздух густым, терпким запахом хвои.

Мы только успели поужинать, когда над рядами палаток показалась знакомая фигура. Харакс шёл быстро, шаг уверенный, лицо сосредоточенное. Он остановился у командирского шатра, окинул лагерь взглядом и громко объявил:

— Вечером — строевая проверка. Всем быть при оружии.

Мы быстро собрались и встали в строй — два ряда, плечом к плечу. Между шатрами уже горели факелы, и их пламя дрожало на ветру. Харакс подождал, пока стихнут голоса, и сказал громко, без лишней торжественности:

— Гарнизон, защищавший Гелиополь, пал. Враг напал внезапно, наши воины сделали все, что смогли, понесли потери, но не сломлены. Уцелевшим удалось уйти к Мемфису, завтра они присоединятся к нам. Азиаты уже на западных дорогах, и через два, может, три дня будут здесь. Здесь, у стен Мемфиса, мы их уничтожим, они еще не понимают, с кем связались.

Он обвёл нас взглядом.

— Сегодня вы учились стоять в строю и держать атаку копейщиков. Старайтесь взять от учений максимум, это то, что завтра спасет вам жизнь.

Тишина легла над строем. Каждый думал о предстоящем.

Из-за командирского шатра вышел высокий египтянин в тёмной накидке, с жезлом в руке. Его сопровождали два писца с факелами. Пламя освещало его лицо — смуглое, неподвижное, как будто высеченное из камня.

— Командир Харакс, — произнёс он спокойно. — Отряд готов к проверке?

— Да, господин, — ответил Харакс. — Личный состав построен.

— Хорошо. — Египтянин медленно прошёл вдоль рядов.

— Я — Неферхор, начальник греческих лагерей. От имени фараона благодарю вас за службу.

Он остановился у переднего ряда, взглянул на нас:

— Азиаты атаковали Египет, они напали на Иуну, город пал, гарнизон отступил с тяжёлыми боями. Война идёт к Мемфису. Здесь, в сердце страны, фараон сокрушит врагов, и вы все станете его разящим мечом. Завтра сюда придут новые части — карийцы, ионийцы, милетцы.

Его слова были короткими, холодными, но в них чувствовалась сила и уверенность. Затем он обратился к Хараксу:

— Пусть отдыхают. Завтра продолжают подготовку к бою.

Когда Неферхор ушел, мы разошлись по шатрам. Песок ещё хранил дневное тепло, и со стороны пустыни дул легкий ветерок, неся запах разогретого камня, ночь обещала быть теплой. Небо, пересеченное Млечным Путем, было усеяно звездами. Сквозь полог шатра виднелись огни далёких костров — они нарушали привычный покой летней ночи, подчеркивая необычность происходящего.

— Что за Иуну, — спросил я у Шварценблума, — где он находится?

— Это исконное, египетское название Гелиополя, оно переводится как «Твердыня» — город храмов, там находится главный храм Амона-Ра, это километрах в пятидесяти к северо-востоку отсюда.

— Ясно.

Я лёг на циновку, подложив под голову плащ, и вскоре уснул.

Перо Маат

«Сердце моё, не восставай против меня на суде. Не будь свидетелем против меня в доме истины. Я чист, я не нарушил Маат». — Книга Мёртвых, Гимн 30В

Ночь была тихой и странно светлой. Полная луна стояла низко над пустыней, и её бледный свет делал песок похожим на серебро. Я стоял на краю лагеря; рядом появились Фалес и Шварценблум. За спиной тлели костры, но их свет не доходил сюда. Тёплый ветер дул с востока, и в песке я увидел уходящий вдаль зигзагообразный след — будто огромная змея проползла мимо и растворилась за холмами.

Мы пошли по следу. Он привёл к пирамиде, сверкавшей на фоне неба плитами белоснежного известняка. С каждым шагом всё вокруг затихало, будто замерло, прислушиваясь. Когда я подошёл ближе, луна коснулась вершины, и золотое навершие осветило окрестность волшебным светом. В основании пирамиды открылся проход.

Мы вошли. Камень был прохладным, гладким и излучал мягкий свет, словно живой. Я шёл по коридору, слыша собственное дыхание, шаги друзей и гул, похожий на биение сердца. Путь вёл вниз и закончился в зале, пол которого был устлан золотыми и серебряными плитками. Слабое свечение, исходящее от металла, освещало стены, но в углах царила тьма. Мы вошли — и холодный воздух ударил в лицо. Каменные стены были расписаны иероглифами и изображениями, пахло чем-то невероятно древним: то ли смолой, то ли деревом, то ли папирусом.

«Это жизненный путь царя: золото — его дни и серебро — его ночи. Пройди по стопам царя, и в конце пути откроется проход в жизнь вечную, в место восхваляемое», — тихо произнёс зал. Мы пошли по плиткам; шаги отдавались звонким эхом.

Дойдя до конца пути, я остановился, и из темноты выступила стройная женская фигура — высокая, в белом, с глазами, закрытыми повязкой. На груди её блестело вышитое золотом перо — знак богини Маат. В левой руке она держала жезл, а в правой — весы из чёрного металла, перекадина в виде распростёртых крыльев. На левой из медных чаш весов лежало перо Маат, лёгкое, сияющее в темноте, правая чаша была пуста.

Женщина подняла жезл, и голос её отразился от стен, будто говорила не она, а сам храм: — Ваши сердца должны быть взвешены. Пусть каждый из вас подойдёт и откроется.

Я шагнул первым, не до конца понимая, во что ввязываюсь. Жезл коснулся груди, и я почувствовал, как внутри что-то трепыхается. Моё сердце, призрачное и хрупкое, словно сделанное из света, поднялось и легло на пустую чашу весов. Они качнулись и замерли, но не сразу: сначала в одну сторону, потом в другую, будто не зная, куда склониться.

Неожиданно зал изменился, откуда-то сверху пришел свет, и меня окружили силуэты в белых одеяниях, тёмные глаза горели в их лицах, и каждый бросал вопрос, будто стрелу:

— Не лгал ли ты? — Не убивал ли без нужды? — Не обкрадывал ли храмов? — Не крал ли хлеба у голодного? — Не осквернял ли священные воды? — Не воровал ли масла и благовоений? — Не убивал ли рыбы в священных водах? — Не закрывал ли глаза на зло? — Не отвращал ли ухо от правды? — Не касался ли чужой жены? — Не проклинал ли богов и царей?

Вопросы летели, один за другим, неотвратимые, как удары, на некоторые из них я реагировал с лёгким юмором, на некоторые с достоинством отвечал «нет», на некоторые не очень хотел отвечать, на некоторые очень не хотел, но от меня уже ничего не зависело, я пытался зажать рот, но отвечало сердце. Оно билось — и весы реагировали колебанием стрелки, и чёртова стрелка всё сильнее уходила вправо, а стены зала будто наклонялись и тянулись ко мне, тяжёлые и холодные.

В углу, где мрак был гуще, чем сама ночь, шевельнулось нечто. Длинная пасть, когти, глаза, блеснувшие жёлтым огнём.

—Зверь Аммут — прошептал кто-то, и эхо утонуло в каменных сводах.

Весы дрожали, стрелка клонила вправо всё сильнее, и зал все сильнее давил на меня холодным камнем. Зверь Аммут утробно зарычал и выдвинулся вперед — пасть раздвинулась, когти заскрежетали по плите. Ещё миг — и зверюга прыгнет.

И тогда случилось неожиданное. На миг все огни в зале погасли, даже сияние пера Маат померкло, будто кто-то накрыл его тенью. В комнате проявилась знакомая мне фигура Змея и из глубины тьмы раздался шёпот:

— Оставь, это моё.

Аммут угрожающе зарычал, но отступил во мрак. Я рухнул на колени, ноги просто не держали.

Женский голос произнес:

— Сорок два вопроса заданы. И храм услышал все ответы. Змей признал тебя своим и взял на себя твою вину. Твоё сердце тяжело, постарайся далее жить праведно. Ты прошёл испытание, и потому — можешь идти дальше. Но помни: если он сказал «моё», он вправе потребовать платы. Твои друзья также могут пройти испытание, если пожелают, но теперь в этом больше нет необходимости.

Фалес шагнул вперед и произнёс:

— Если Змей уже поручился за тебя, я не должен проходить испытание, ведь это ты позвал меня с собой по его зову и от меня требуется не чистота, а мудрый совет.

Шварценблум усмехнулся уголком губ, но его голос был мрачен:

— Благодарю за такую редкую возможность, но я тоже не хочу, мы связаны одной судьбой.

Женщина кивнула, её слова прозвучали как закон:

— Так и будет. Сердце одного станет испытанием для всех.

Перо пошатнулось, чаша с сердцем опустилась, и я увидел, как по ней стекает кровь. Капли падали на пол и превращались в маленькие серебряные капельки-зеркала. Я протянул руку, взял мерцающее сердце и поднёс к груди. Рука опустела, а я с облегчением снова почувствовал внутри его биение.

В проходе, ведущем к Месту Восхваляемому, свернувшись несколькими кольцами, возлежал Змей.

— Я рад вашим успехам, — произнёс он. — У меня есть для вас подарок. На этот раз — для Шварценблума. Готов ли ты принять немного силы?

— Готов, — ответил тот спокойно.

— Тогда получай, — улыбнулся Змей.

Змей приподнялся, и воздух вокруг потемнел. Вдруг всё осветилось — но странным светом, возникающим из ниоткуда. Вокруг Шварценблума появилось сияние — мягкое, живое. Оно не жгло, но проходило сквозь него, как дыхание. Свет стекал вниз вдоль позвоночника, медленно, ритмично, и в груди вспыхнуло нечто похожее на желтое солнце, мягко согревающее все вокруг.

— Хватит, — сказал Шварценблум, с трудом переводя дыхание. — Я больше не могу.

Сияние стало угасать, но тонкая, синевато-зеленая корона света осталась вокруг его головы, тихая и устойчивая, как отблеск пламени на бронзе.

— Теперь, — сказал Змей, — ты знаешь, что такое дыхание силы Хаоса. Но помни: приняв мою силу, ты принял и мой договор.

— Я знаю, и я согласен, — ответил Шварценблум.

Я проснулся от порыва ветра. Полог шатра колыбался, и луна светила прямо в лицо. Рядом лежали Фалес и Шварценблум с открытыми глазами.

— Вы были со мной во сне? — спросил я.

— Да. — Ответил Фалес.

— Пройди по золоту, пройди по серебру – в жизнь вечную, в Место Восхваляемое, — произнес я, передразнивая таинственно манящую интонацию храма, — а там эта зверюга! — Вы ее видели? — спросил я с волнением. — У меня просто нет слов, в ней тонны две, не меньше! Если бы не Змей, эта гадость, без сомнения, меня бы сожрала. Кто вообще способен пройти это испытание? Мне понадобилось целых десять вопросов, пока тварь решила на меня броситься; на Харакса она бы кинулась после второго, а ведь тот, в принципе, совсем неплохой человек.

Фалес помолчал, глядя в темноту, будто там отражались не только весы, но и истина мира.

— Меня удивило другое, — тихо сказал он. — Как можно пройти испытание праведности в мире, где царит несовершенство, а сами боги служат разным замыслам? Иногда сказать правду — значит причинить зло. Иногда солгать — значит спасти человека. Какое сердце тогда станет легче пера?

Он немного помолчал.

— Рассудок говорит мне, что пройти испытание невозможно не потому, что люди дурны. А потому, что сама мера кажется несовершенной. В кривом зеркале даже прекрасная Елена будет выглядеть уродиней.

— От тебя требуют ответить только «да» или «нет», но жизнь почти никогда не уместится в эти два слова. Один и тот же поступок может оказаться праведным сегодня и преступным завтра. Достаточно одного ответа, который не совпадёт с тем, как его понимают весы, — и зверь растерзает тебя.

Шварценблум скрестил руки:

— Нет, Фалес. Зеркало не криво. Оно показывает всё, но человеку невозможно быть лёгким, как перо, потому что он никогда не приходит к нему один.

— Маат не ошибается, но на каждой чаше весов вместе с человеком лежат его родители, дети, друзья, враги, надежды, клятвы царям и богам. Порой, выбор принуждает совесть спорить с Маат, из-за этого праведность недостижима, всегда найдётся вина, которая утянет вниз. Только вмешательство божества — будь то Осирис, будь то Змей — способно вырвать тебя из пасти Аммут.

Я перевёл дыхание и прошептал:

— Но ведь тогда выходит, что никто никто в мире не способен пройти испытание сам.

— Никто, — подтвердил Шварценблум.

Фалес нахмурился, но в его голосе звучало почти благоговение:

— А значит, спасение — не в том, чтобы быть безупречным, а в том, чтобы быть в правильном договоре. Чтобы Змей вмешался и сказал: «Не трогайте, это - моё».

Я хмыкнул:

— Тогда это больше не испытание, а решение богов. Смысл спасения состоит в том, что любой из нас обязан заключить договор.

Шварценблум усмехнулся уголком губ:

— Нет. Это по-прежнему испытание. Только судят не твою безгрешность. Тебе предлагают сделать выбор — кому позволить назвать тебя своим.

— А Змей любит выбирать тех, кто ему полезен. Разве ты этому не рад?

Я не ответил. Ветер, ворвавшийся в шатёр, пах прохладой рассвета. Луна уже клонилась к западу, и небо над восточными холмами становилось светлым, как выцветшая ткань.

Гарнизон Гелиополя

«Вот азиаты спускаются в Египет... они покинут лагеря как пастбища; они войдут в храмы...» — «Пророчество Ноферти»

Снаружи доносился глухой шум — треск костров, голоса часовых, звяканье оружия. Я приподнялся и сел на своём ложе. Всё казалось прежним, но что-то изменилось. Воздух стал тяжелее, будто в нём растворилось невидимое ожидание.

— Пора, — сказал Фалес. — День начался.

Мы отодвинули полог шатра и вышли наружу. На востоке небо уже пылало розовым светом. Харакс стоял у командирского шатра — кажется, он не спал вовсе.

На краю лагеря появились дозорные. Они шли быстро и встревоженно, направляясь прямо к Хараксу. Завидев его, один из них поднял руку.

— Из Гелиополя, — сказал дозорный, переводя дыхание. — Идут. Много.

Через некоторое время из-за холмов показались первые ряды. Люди шли молча, пошатываясь от усталости. Их доспехи были запылены и побиты, шлемы помяты. Среди них были египтяне, нубийцы, ионийцы. Некоторые вели лошадей за узды, другие тащили оружие, будто оно стало им тяжелей, чем прежде.

Когда они подошли ближе, я увидел, что многие ранены. Повязки пропитаны кровью, лица серые, глаза — пустые.

— Из-под Иуну, — сказал один, остановившись напротив нас. — Мы держались, сколько могли. Но у них колесницы. Большие, с железом на осях, кони в броне. Они ломают копья и прорываются сквозь строй — такое не удержишь. Мы успели отступить к западной части, где колесницам не пройти, нубийские лучники прикрыли нас сверху — только это и спасло. А ночью, через болота, ушли к Мемфису.

Он осел на песок, и Шварценблум молча подал ему флягу. Все собрались вокруг выжившего защитника Иуну, чтобы узнать, что там было.

— Они пришли на рассвете, — начал он свой рассказ, — С востока — оттуда, где должно было родиться солнце. Мы не были готовы к войне, мы ждали очередной восход светила. Когда мы встали, небо уже было странного цвета: не розовое, как всегда, а мутное, словно в нём растворили пепел. Жрецы говорили, что это дурное знамение — будто Ра не может пробиться сквозь завесу тьмы.

Мы ещё надеялись, что это просто пыль, поднятая ветром, но вскоре стало ясно — это не ветер, это шло на нас несметное войско азиатов.

Я был тогда у Северных ворот. Ранее, когда первый луч солнца касался верхушки обелиска Сенусерта, он всегда сиял так, что казалось, будто свет льётся по камню вниз. В это утро свет солнца помутнел и исчез. А потом мы слышали гул.

Сначала — низкий, как будто из-под земли. Потом — звон металла, крик коней. Пыль на горизонте зашевелилась и пошла на нас стеной. А в пыли проступали тысячи и тысячи азиатских воинов. Азиаты шли со стороны песков, как стая саранчи.

Вы видели Иуну? Это ведь не крепость. Стены — тонкие, обводные, они могут держать тень, а не врага. И всё же, когда загрохотали оси их колесниц, мы взяли копья и щиты, встали на стены и отбивались как могли. С крыш храмов нашу спину прикрыли нубийские лучники.

Колёса их колесниц были окованы металлом. Кони в броне, воины в чешуе. Они не шли — они катились, как буря. Первый удар пришёлся по Северной стене. Створки из кедра не выдержали тарана, она треснула сразу — мы даже не успели сомкнуть ворота.

Враги ворвались внутрь, и всё смешалось — крики, звон бронзы, запах крови и ладана. Азиаты врвались в храмы и убивали всех подряд: и воинов, и жрецов.

Я видел, как Херу, верховный жрец Ра, старый, хромой, пытался подняться на обелиск, чтобы закрыть солнечный диск собой. Стрела пронзила его прежде, чем он добрался до вершины. Когда рухнул первый обелиск, земля содрогнулась, и пыль скрыла всё, что происходило дальше от взора богов.

Они подожгли библиотеки, дым от огня окутал все сады и пруды храма Ра. Колонны, у которых писцы вели счёт дням, обычно сияющие в утреннем свете, были еле видны.

Когда солнце склонилось к западу, мы удерживали лишь западную часть города — Хет-Атум — святилище Атума и пристань у священного пруда. Мы защищали то самое место, где Ра создал холм Бен-Бен.

Хет-Атум превратился в последнюю цитадель Света. Там собрались все, кто остался — стража, жрецы, раненые. Остальной город уже был в руках врага. Мы ждали, что Ра пошлёт нам знак. Но знак был другой — огонь, что охватил хранилища свитков, и пепел, падающий с неба. Весь город был объят пламенем, дым стоял стеной и ел глотки и глаза. Проходы в святилище мы закрыли глиняными кирпичами, поставили лучников на крыши домов и отбивали атаки азиатов до наступления темноты.

Когда тьма наконец сошла на город, мы отступили и ушли в тростники. Вода доходила до пояса, но там, в болотах, нас никто не преследовал. Мы уходили молча, слыша, как за спиной рушатся колонны храма Ра. Последний огонь мы видели уже с другой стороны Нила — зарево, отражённое в воде.

— А город? — спросил Харакс.

— Город пал. Обелиски лежат, как поваленные лучи Ра. Библиотеки сгорели, храмы обуглены. Все, кто не ушел — мертвы. А на востоке — тьма. Ра больше не встанет над Иуну.

Никто не ответил.

Даже ветер будто стих.

Я пытался представить город, над которым больше не взойдет Ра.

Харакс слушал не перебивая. Потом обернулся к нам. Его голос был спокоен, почти ровен:

— Это и есть наши новые товарищи. Им нужен отдых. Потом они встанут в строй. На этот раз всё будет иначе. От Гелиополя до Мемфиса — меньше двух дней пути. Завтра на рассвете неприятель будет здесь.

Шварценблум тихо сказал:

— Ты чувствуешь, как качнулись весы? Ещё ночь назад — равновесие, сегодня — перевес. А завтра... живущий в Хаосе наверняка захочет проверить эти весы на прочность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.